

ОТЗЫВ

проф. д.ф.н. Дечки Чавдаровой

о диссертации Ребеки Джили для присуждения образовательной и научной степени „доктор“, на тему „Память и культурная идентичность в мемуарной прозе И. М. Долгорукова“.

Область высшего образования: Гуманитаристика

Профессиональное направление 2.1. Филологические науки

Научная специальность: Русская литература XVIII века

Диссертация Ребеки Джили вписывается в современные тенденции литературоведения/гуманитаристики еще выбором своей темы – автобиографии И. Долгорукова, – если иметь ввиду сильный интерес к этому жанру (исследования его специфики и отдельных текстов), как и вообще к документалистике, к т. наз. „маленьким рассказам“ („petit récit“), дополняющим или корригирующим официальный „большой нарратив“ („grand narrative“), по терминологии Лиотара. Особенно ценна теоретическая подготовка диссертантки, поскольку она не ограничивается позитивистским описанием объекта исследования – учитывая „бум“ мемуаристики с 90-ых лет XX века, она указывает на идеи, которые ведут к этому явлению: вклад Тартуской семиотической школы ориентацией не только к известным личностям, но и „незамечательным людям“, упомянутые выше идеи постмодернизма, концепцию несовпадения календарного времени с ощущением времени в культурном сознании („долгий XVIII век), актуальность проблемы культурной памяти.

Работа характеризуется логически и концептуально выдержанной структурой. Она включает Введение, в котором представлен автор автобиографии, главу, посвященную проблемам связи между памятью, культурой и мемуаристикой, и четыре главы, в которых анализируются отдельные сферы жизни И. Долгорукова и вообще русского дворянина конца XVIII – начала XIX века (служба, семейные взаимоотношения, участие в культурной жизни общества – чтение, литературное творчество, театральная деятельность).

В Введении, знакомящем читателя с личностью и творчеством Долгорукова, поставлены важные вопросы коммуникации (адресата путевых записок, достоверности), раскрывается контекст произведения автора (сентиментальное путешествие Стерна, письма Карамзина), учтены этнолингвистические наблюдения над понятием ‘авось’ в русской картине мира (анализ сатиры „Авось“). Р. Джили следует за выводами других

исследователей, пытаясь не только их систематизировать, а и дополнять. В Введении находит важное место история исследованности творчества И. Долгорукова, при чем производит впечатление хорошая осведомленность диссертантки о всех значимых трудах с XIX века до наших дней (опубликование автобиографии и комментарии к ней Н. Кузнецова и М. Мельцина, исследования Н. Новицкого, Н. Кочетковой, С. Николаева, О. Кошелева, Уго Перси, В. Коровина, О. Солодянкиной, А. Тартаковского, Р. Бицаевой-Стойановой и др.). Особо значима идея о роли творчества Долгорукова в развитии классических русских поэтов, высказанная М. Гаспаровым и П. Бицилли – идея, которая доказывает видение авторов ОПОЯЗ-а, что гений не возникает на пустом месте, что в истории литературы имеют место не только „генералы“. Стоит отметить корректные ссылки на чужие труды со стороны диссертантки, хотя можно высказать пожелание о большей эмансипации от них в ее будущих исследованиях, о более четком обособлении собственных идей.

В первой главе мемуаристика рассматривается в ракурсе связи память – культура в современных научных парадигмах. Заслуживают высокую оценку глубокие теоретические знания Р. Джили о разных аспектах проблемы: разграничение видов памяти в трудах гуманитаристов, значение памяти для идентичности „я“, зависимость исторической и культурной памяти от власти, развитие представлений о памяти с XVIII века до наших дней, актуальность *memory studies*. Учтены основополагающие труды Ж. Липовецкого, С. Бойм, У. Эко, П. Нора, М. Фуко, вклад школы „Анналов“, психоаналитические и семиотические исследования и др.

На стабильную теоретическую основу и в широкий культурный контекст поставлен и вопрос о специфике жанра мемуаров – его граничности между документальностью и фикцией, при чем затронуты проблемы западнохристианской культуры исповеди, проблематичности самовыражения при помощи языка и искренности (являющейся особо ценной в культуре сентиментализма), типа рассказчика, соотношения между автобиографией и романом, беллетризации мемуаров и автобиографии. По поводу беллетризации замечу, что к западным исследованиям этого феномена можно добавить и болгарские (например Цв. Ракёвского и Н. Аретова). В созвучии с современными тенденциями в гуманитаристике входит и гендерный подход: обращение к специфике мужского и женского письма в автобиографиях. В этой главе диссертации прослеживается и история русских исследований жанра и шире – документалистики: Л. Гинзбург, П. Бицилли, А. Тартаковского, А. Веселова, М. Билинкис, Ю. Зарецкого и др. Диссертантка не только учитывает эту важную традицию,

но и ставит вопрос о современных идеях в гуманитаристике, обуславливающих сильный интерес к жанру автобиографии: т. наз. „антропологическом повороте“ и ориентации к постколониальным исследованиям и отказу от европоцентризма.

Анализ типологии мужской автобиографии конца XVIII – начала XIX века во второй главе диссертации также созвучен с актуальными научными идеями. Поставлен вопрос о пренебрежении к мужскому письму в гендерных исследованиях (что впрочем логично, поскольку их пафос в преодолении доминирующей ориентации именно к этому письму). Снова с оглядкой на предыдущие исследования комментированы социальный статус автора автобиографии, использование разных естественных языков в текстах мужчин и женщин (русский у мужчин и французский у женщин), стиль (канцелярский язык по мнению Бицилли), зависимость автобиографии от перемен в русской истории (место дворянского сословия, значение службы и личного достоинства), матрица жития и элементы хроники. В этот контекст вписана автобиография И. Долгорукова, при чем в ней открываются черты разных типов жанра, воздействие „Исповедей“ Руссо, но и оригинальность автора, подчеркнута его обращение к экзистенциальным вопросам.

Третья глава („Автобиографический „я“ и эмоциональный нарратив“) рассматривает автобиографию с точки зрения другой актуальной проблемы современной гуманитаристики: эмоций и развития языка чувств. Выражение чувств в тексте Долгорукова поставлено в контекст кода сентиментализма (свобода эмоционального мира от власти, представление о сердце как загадке). Опираясь на эту теоретическую базу, диссертантка прослеживает разные аспекты эмоционального мира Долгорукова: гордость принадлежностью к древнему роду, семейные связи, вдохновленный сентиментализмом культ к детству, „житийная матрица“ и культивирование христианских ценностей, культ чести, эмоциональные связи с мертвыми (представление о смерти соотнесено с идеей Ю. Лотмана о жизни как тексте и о смерти как конце этого текста). Особо интересны для меня наблюдения над самоидентификацией автора и идентификацией его супруги Евгении с литературными героями: Дон Кихотом, Элоизой, Натальей из повести Карамзина „Наталья, боярская дочь“. Готовность супруги последовать за своим мужем на войну вызывает вопрос о возникновении этой модели поведения до превратившегося в миф русской культуры сюжета о женах декабристов, последовавших за своими супругами в Сибирь. Подчеркну, что широкий культурный контекст этих проблем дополнен диссертанткой в богатых информацией примечаниях.

Четвертая глава посвящена теме службы в автобиографии И. Долгорукова. Двойственная аксиологизация службы (как долг дворянина, проблематизированный

однако разочарованием от недугов бюрократической системы: вытеснение „старого“ дворянства „новым“, клиентелизм, коррупция) превращает текст автобиографии в важную часть макротекста о чине/чиновнике в русской литературе, выстроенный каноническими произведениями русской классической литературы (Гоголя, Достоевского, Гончарова, Салтыкова-Щедрина и др.). Добавление автобиографии Долгорукова к этому макротексту также подтверждает идею о значении интереса к „незамечательным людям“ в истории культуры/литературы (по упомянутому выражению Ю. Лотмана). Ценно наблюдение о страхе ревизии и восприятии приезжего из столицы как ревизора, поскольку подсказывает переплетение житейского сюжета с литературным и дополняет представление о генезисе гоголевского сюжета (который обычно связывают с Пушкиным). Р. Джили учитывает проведенные другими исследователями межтекстовые связи с Кантемиром, Сумароковым, Хемницером, Державиным, а также с продолжившими это направление писателями – Гоголем, Салтыковым-Щедринным, Тургеневым, Некрасовым, – упоминает осмысление чина в коде сентиментализма и в ракурсе идей Просвещения. Плодотворны сопоставления автобиографии с поэтическими текстами Долгорукова (так например стихотворный образ Петербурга – „Петрополь ужасный“ – оказывается еще одним элементом т. наз. „петербургского текста“ русской литературы). Важны также наблюдения над отношением Долгорукова к императорской власти, осмысленное в созвучии с современными идеями „нового историзма“ о сущности русской империи и о переменах в „сценариях власти“ (по Уортману): комментарии идей „просвещенной монархии“, консерватизма, антиконституционализма, преклонения перед Екатериной II и ее мифологизации как Минервы, отрицательного отношения к Павлу I и Александру I с по поводу изменений в „сценариях власти“. В примечании, кроме Уортмана, упоминаются и другие исследователи (В. Проскурина, А. Зорин, Д. Крыстева). Отмечу, что наблюдения цитированных исследователей могли бы занять место в основном тексте, так как помогли бы дополнить комментарий политической позиции Долгорукова и его места среди его современников, авторов воспоминаний, биографий, дневников. Так например, положительная оценка Сперанского Долгоруковым четче раскрылась бы в контексте широко представленных А. Зориним текстов, объясняющих разные мотивы опалы этого политического деятеля: сопоставление текста автобиографии с другими текстами вызывает у меня вопрос о специфике точки зрения Долгорукова (может быть он ставит акцент на свои личные взаимоотношения со Сперанским и дистанцируется от дискутирования всей сложности политического казуса?). По поводу комментария

отношения Долгорукова к Александру I замечу, что позиция мемуариста дораскрылась бы в контексте позиции других мемуаристов, о которых пишет Д. Крыстева: „мемуарная литература, сохранившая страницы повседневности времени Александра I“ [...], является памятью об интерференции между сентиментализмом, богословскими идеями и политическим словом о наступающей социальной гармонии“ (сравнение подсказало бы, что Долгоруков остается в стороне от данной политической тенденции). Можно было бы развить объяснение противоречивой точки зрения автора, о которой говорят приведенные диссертанткой примеры: неприятие „чувствительного монархизма“, несмотря на связь Долгорукова с сентиментализмом, из-за ощущения лицемерия владельца, но и неприятие заурядности церемониалов, мотивированное афинитетом к их пышности – как проявлением гордости дворянина древнего рода. Это один из примеров работы Р. Джили с источниками – в труде можно заметить и другие подобные примеры. Отмечаю это как пожелание, с оглядкой на ее будущие исследования.

Пятая глава диссертации посвящена дворянскому быту в автобиографии И. Долгорукова. Результативным в этом случае оказывается семиотический подход (например идея Ю. Лотмана об „эстетизации дворянином собственной жизни“), осмысление автобиографии „не только как источника информации, но и как факта культуры“. Анализ семиотизации разных топосов (оппозиция Петербург – Москва) в первой подглаве отсылает к семиотическим исследованиям „петербургского текста“ (студия В. Топорова упоминается в примечаниях) и „московского текста“ русской литературы. По поводу культа Москвы (ритуал с горстью земли на память) указано на следование автором за мифологизацией Москвы у Карамзина и на продолжение этой мифологизации в русской литературе (у Пушкина, Дельвига). Можно сделать выводы о том какое место занимает автобиография в „петербургском тексте“ русской литературы. С точки зрения оппозиции Москва – Петербург можно было бы указать на линию, ведущую к Белинскому и Гоголю. Важно наблюдение над иронией к подражанию столице в провинциальном быту, потому что подсказывает фон пушкинской иронической интерпретации этого явления. Постановкой вопроса о русской провинции диссертация вписывается в другую современную тенденцию русской науки: исследование т. наз. „провинциального текста“ русской культуры/литературы. Второй подраздел „Дом и имение“ также следует за современными исследованиями т. наз. „дворянского гнезда“ в русской литературе (прежде всего В. Щукина), вписывает автобиографию в литературный контекст эпохи (цитируются стихотворения Батюшкова). Обращение Долгорукова к комментарию чужих произведений

подсказывает специфику автобиографии как метатекста. Особым метатекстом является комментарий собственных стихотворений автора, который отводит к проблеме автоинтертекстуальности. Этот метатекстовый характер автобиографии может стать объектом отдельного исследования. Третий подраздел – „Помещик и крестьяне“ – также ставит автобиографию в объемный культурный и литературный контекст (идей Карамзина, романа „Евгений Онегин“ Пушкина). Комментарий консервативной точки зрения автора по отношению освобождения крестьян и его рассуждений о русском понятии свободы как „вседозволенности“ интересен и актуален с этнокультурной точки зрения. Подраздел о природе в автобиографии вызывает интерес учитыванием семиотической идеи о стилистических константах поведения в разных пространствах“ (Лотман, Щукин), о соотношении культура-природа (Топоров, Щукин). Важно для раскрытия личности Долгорукова наблюдение о сентименталистских клише в тексте автора и об его способности их разрушать, сталкивая сентименталистский текст с реальностью. Примечания и в этом случае дополнительно расширяют контекст автобиографии (отсылки к исследованиям английских парков в России). Богат информацией и подраздел о медицине и здоровье, который также учитывает современные научные идеи (например исследования М. Фуко о возникновении клиники) и отсылает к русским публикациям на эту тему в эпоху Долгорукова, как и к медицинским практикам (наблюдения о доверии к врачам и об отношении к вакцинам приобретают в наше время актуальность и вызывают вопросы об уровне развития современного общества). Вписывание автобиографии в контекст сентиментализма содержит рассуждения о новом каноне красоты, вдохновленные идеями Ю. Лотмана (представление о вульгарности здоровья). Комментарий автобиографии показывает противоречивую оценку Долгорукова медицины, его размышления о вопросе смерти, меланхолию (осмысленную через идею Фуко о заболеваниях в разных эпохах). Подраздел „Антиклерикализм и вера“ выясняет двойственную позицию Долгорукова по отношению к вере и церкви, близость к идеологемам официальной пропаганды, но и принятие идеи толерантности к другим религиям (вопросы, которые получают актуальность для современного читателя). Очень интересные наблюдения содержит и подраздел „Развлечения и досуг“ своими рубриками „театральность и действительность“, „книга и чтение“, „писатель и поэт“. И в этом случае полезными оказываются инструментальный семиотики (труд Ю. Лотмана о бытовом поведении дворянского общества и о театральности русской дворянской культуры) и литературной социологии (исследование литературных салонов Аронсона и Рейсера). В

автобиографии Долгорукова диссертантка выявляет особое влечение автора к театру (как организатора любительского театра, драматурга и актера), его знания в сфере французского театра, влияние языка театра на текст автобиографии (имеются ввиду фрагменты, напоминающие театральные монологи). Таким образом Р. Джили дополнительно подтверждает тезис о литературности жанра. Рубрика о книгах и чтении учитывает сильный интерес к теме в современной гуманитаристике, вводит информацию о роли книги в русской культуре XVIII – начала XIX века и раскрывает аксиологизацию книги и библиотеки как друзей в тексте Долгорукова, его идентификацию с литературными персонажами, видение о роли литературного салона в дворянской культуре. Рубрика „Писатель и поэт“ выявляет связь представлений Долгорукова о поэзии с идеями сентиментализма, но и приоритет службы (как у Державина), двойственное отношение к панегирику классицизма (восхвала владельца, но без лицемерия – проблема, которая вызывает много размышлений о современной ситуации).

Выводы в заключении логически вытекают из осуществленных наблюдений и являются убедительными.

Имея ввиду все сказанное, убежденно предлагаю присудить Р. Джили образовательно-научную степень „доктор“!